

О.В.Шаров
(Санкт-Петербург)

ГИБЕЛЬ ЭРМАНАРИХА: ИСТОРИЯ И ЭПОС

Мало что было еще раньше, то было вдвое раньше.

Речи Хамдира, 2

*Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит*

*вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!*

“Беовульф”, 1386

O.Sharov. The Ruin of Hermanarich: History and Epos. — The data of the written sources and epic stories about the gothic king Hermanarich are collected and analysed in this essay. The subject of the author’s analysis is the description of the great king’s death’ given in the works by Ammianus Marcellinus, Jordan and in numerous epic works. The hypothesis, that this event is more truly narrated by Jordan than by Ammianus Marcellinus, is moved, because Jordan’s narration coincides with the German folklore tradition. This tradition is reviewed structurally. The sources of the contradictory ideas of Hermanarich, represented either as a helpless old man or as a wise and cruel ruler, have been revealed. The discovered Jordan’s information parallels about the death of the 110-aged Hermanarich (who had not been able to stand the sufferings, caused by his wounds and the Huns’ invasion), that stick to the biblical tradition, is of a great interest. It allowed the author to suggest that a particular form for a literary arrangement of the subject, fulfilled in the spirit of the Christian epoch, but not the historical facts are hidden behind this information.

Вступление

В ходе работы над этой статьей у меня перед глазами не раз возникал один яркий образ, когда-то давно поразивший мое воображение. Это было мозаичное панно из Помпей, на котором было изображено бегство Дария в битве при Гавгамелах. В центре этой картины навсегда осталось большое белое пятно от несохранившегося фрагмента. Как мне хотелось дополнить, дорисовать эту картину, исходя из бережно собранных писателями и учеными лоскутков истории этой эпохи, чтобы появились на этой мозаике реальные действующие лица, портреты которых волей случая не дошли до наших времен. Занимаясь археологией, нам всегда приходится достраивать картину прошлого по отдельным, выборочно найденным фрагментам, дорисовывать не дошедшие до нас детали. На первый взгляд, сильно облегчается решение проблем интерпретации и реконструкции прошлого для тех исторических периодов, когда можно использовать данные письменных источников. Опираясь, например, на Полибия, Тацита или Аммиана Марцеллина, археологи-“фрюгешихтеры” часто пытаются найти историческое объяснение появлению и исчезновению исследуемых объектов, и иногда черно-белая картина, состоящая из схем, карт и рисунков находок, становится

полноцветной, начинает играть красками, и вместе с картами распространения типов горшков и фибул появляются карты расселения и миграций их реальных владельцев — племен или групп населения, употреблявших именно эти типы украшений и утвари в определенный отрезок времени. Понимая сложность проблемы синтеза письменных и археологических источников, мне не хотелось бы здесь специально объяснять опасности этого увлекательного пути. Исходя из того, что многие исторические факты, зафиксированные в письменных источниках, не нашли и, скорее всего, не найдут своего подтверждения в археологической картине прошлого, которая очень обрывочна и лакунарна, мы попытаемся максимально собрать и проанализировать по мере своих сил данные письменных источников о великом готском короле, относящиеся к разным хронологическим срезам истории, чтобы в нашем распоряжении была наиболее полная картотека фактов его жизни, которые разными авторами описывались по-разному. Где истина, а где вымысел в биографиях исторических личностей, трудно установить много столетий спустя, особенно в тех случаях, когда мы знаем о том или ином лице только от одного древнего автора. Я очень надеюсь, что

расширение наших знаний о готском короле, а главное, появление новых данных, увеличат вероятность отражения того или иного факта в археологическом материале, который постоянно пополняется. Археология, увы, сегодня ничего не может сказать о самом готском короле Эрманарихе. Мы можем только с определенной долей вероятности сопоставить археологические памятники или археологическую культуру с его державой, зафиксирован-

ной в письменных источниках. Маловероятно, что нами будут найдены перстень с его именем и изображением, как в погребении Хильдерика, короля франков, или стеклянный кубок с надписью: “Выпей меня, Эрманарих!”. Тем не менее, в реальности этой фигуры, засвидетельствованной во многих письменных и эпических источниках, сомневаться не приходится. Обратимся к некоторым общеизвестным фактам.

Были ли Эрманарих Амалом?

Довольно часто в исторической и археологической литературе, посвященной эпохе переселения народов, употребляется термин “держава Германариха”, под которой понимается полиэтничное образование под эгидой готов на территории Северного Причерноморья и Поднепровья в III-IV вв. н.э. (Буданова 1990: 121-123). Археологически этому явлению больше всего соответствует черняховская культура, ранние памятники которой появляются во второй четверти III в.н.э. и прекращают существование на рубеже IV-V вв., что территориально и хронологически совпадает с данными письменных источников о переселении готов на рубеже II-III вв. и гибели остготского королевства под натиском гуннов в конце IV в.н.э. Основным источником для изучения этого отрезка готской истории является знаменитое сочинение Иордана “Гетика”, написанное на 24-м году правления Юстиниана в 550-551 гг. (Анфертьев 1991: 98). Иордан составил эпитому двенадцатитомного сочинения “Готская история” Кассиодора Сенатора, законченного приблизительно в 533 г. (Анфертьев 1991: 99), добавив свои исторические замечания, и закончил описание исторических событий победой Велизария над готами в 540 г. Так как одной из идей этого сочинения, несмотря на изменившуюся после 540 г. ситуацию, было показать в блеске славный род Амалов и придать ему перед свадьбой Матесвенты с Германом, племянником Юстиниана, такую же древность рода и величие (Гет., 314), как у знатного римского рода Аннициев, то, несомненно, фигура Эрманариха — “*благороднейшего из Амалов*” является одной из наиболее интересных для постижения готской истории. На основании данных генеалогического древа королевского рода Остроготов-Остготов, названного по одному из предков Амалами, приведенного Кассиодором-Иорданом в “Гетике”, а также исторических реалий из других источников А. фон Гутшмид и Т.Моммзен пришли к выводу, что время правления Эрманариха падает на 351-376 гг. (Скржинская 1960: 363-364), то есть захватывает лишь один из заключительных этапов истории гото-пантийского государства. Нам мало известно об основании для определения нижней даты его правления, она приблизительно. Попытаемся ее

проверить. Из Иордана мы знаем, что его предшественники Аорих и Ариарих правили во время Константина Великого (Гет., 112). В.П.Буданова приводит надпись 320 г. о победе Константина над готами, “*cum rege Aria rico victus super atiscue Gothis*”, где упоминается один из королей. По условиям договора 332 г. готы отправили в Константинополь заложников, среди которых упоминается сын готского короля Ариариха, вероятно, Аорих. Аноним Валезий сообщает, что сын короля провел юность при дворах Константина и Констанция в Константинополе и в его честь была воздвигнута конная статуя (Буданова 1990: 117-118). Вслед за ними правит Геберих, победитель вандалов-Астингов, которые попросили у Константина после битвы с готами разрешения перейти в Паннонию и устроить там селения (Гет., 114, 115). Вопрос о датировке битвы между вандалами и готами в долине Муреш остается спорным. Предлагались даты: 334 г., 337 г., сер. IV в., но при этом, если следовать тексту Иордана, Ариарих и Аорих должны были тогда умереть вскоре после 332 г., т.к. Геберих стал королем после их кончины (Иорд., Гет., 112). Ранней дате начала правления Гебериха, и соответственно дате битвы, по нашему мнению, противоречат как факт пребывания вандалов в Паннонии “*приблизительно 60 лет*” (Иорд., Гет., 115) перед их походом в Галлию в 406-407 гг. (Wackwitz 1965: 47, Ann. 263), так и очень вероятный факт преследования христиан Аорихом в 347-348 гг. (Wolfram 1980: 67). Оба факта говорят скорее о начале правления Гебериха в конце 40-х гг. IV в.н.э. Его преемником является Эрманарих, начало правления которого, исходя из этих исторических реалий, приходится не ранее чем на 50-е гг. IV в. Он принадлежит к десятому поколению генеалогического древа Амалов, которое восходит к Гапту, а точнее, к Гауту, измененному при записи с готского или греческого источника имени верховного бога войны, прародителя готов (Nachmann 1960: 47).

Эрманарих — первый, известный по другим источникам, кроме “Гетики”, с него начинается династия исторических Амалов (Wolfram 1980: 25). “*Благороднейший из Амалов*”, воинственный, доблестный, по деяниям сравнимый с Александром Великим — такие

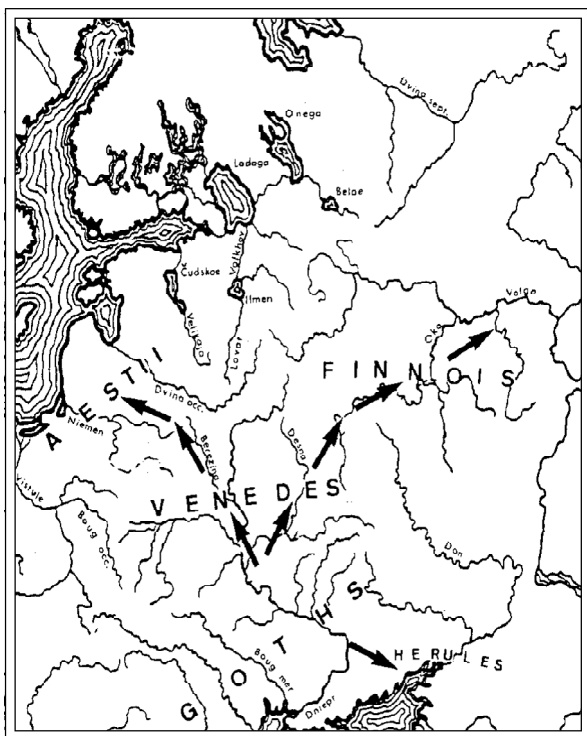

Рис.1. Основные направления экспансии Эрманариха (по: Kazanski 1991: 37)

блестящие характеристики даются ему в “Гетике”. Он покорил воинственные северные племена, его могущество простиралось от Волги до Карпат, от Черного до Балтийского моря (Буданова 1990: 121; рис.1). Мы не будем касаться проблемы дешифровки названий в списке покоренных им племен и сходства при их вариантах прочтения с известными народами: варианты прочтения — чудь, весь, меря, морденс и т. д., т.к. изначально эта проблема больше лингвистическая, чем историческая. Хотелось бы лишь развить одну интересную догадку А.Н.Анфертьева, который вслед за Т. фон Гринбергером считает вторым именем или прозвищем Эрманариха обычно считавшийся этнонимом термин “Голтескиф”. Это слово при его этимологии обычно не вызывало затруднений и переводилось как “золотые скифы”, что по смыслу и рангу вполне может соответствовать царским скифам. Царские скифы — обозначение главного королевского рода, либо главного племени среди родственных племен. Этот этноним мы находим не только у Геродота (кн. IV, 20), но и у Приска Панийского, где род Атиллы назван “царскими скифами” (Пр. Пан. Отр. 1, с. 19, 21). Это единственное упоминание в “Гетике”, как мы полагаем, иного обозначения главного королевского рода готов, которое может быть не тождественно Амалам и Балтам. Аблавий, сочинение которого использовал Кассиодор при написании своей вер-

сии готской истории, знал, по мнению Р.Хахманна, только двух королей — Остготу и Эрманариха, отнесенных Кассиодором к Амалам. В других отрывках, дошедших до нас в “Гетике” от истории Аблавия, речь идет о событиях, связанных с династией Балтов (Nachmann 1960: 68). Можно было бы принять гипотезу Р.Хахманна, что этот отрывок (Гет., 116-120) (Nachmann, 1960, S. 494) относится к Ablavi vestri historica monumenta (Cass., Variiae, X, 22), где упоминаются, как я думаю, либо наиболее важные исторические лица готской истории, либо оба короля относятся к Балтам, либо этот отрывок создавался в тот период, когда не было важно деление королевских династий на Балтов и Амалов. Вполне понятными становятся тогда сомнения Кассиодора по поводу внесения Эрманариха в генеалогическое древо Амалов, так как в одной из грамот 533 г. упоминаются главные представители этой династии: Хамал, Острогота, Атал, Винитарий, Унимунд, Торисмуд, Валамир, Тиудимир (Cass. Variiae, XI, 1), но нет Эрманариха. Я полагаю, что Кассиодор еще не завершил окончательно свою “Historia Gothica” (Скржинская 1960: 53) к этому времени, но закончил ее или в 535 г., когда была убита Амаласвента, вождь гото-византийской партии, или самое позднее в 536 г., когда к власти пришел представитель ультраготской партии, не Амал, Витигес, и стало ясно, что войны с Юстинианом уже не избежать. Очень вероятно, что имя *Hermanaricus nobilissimus Amalorum* (Get., 116) было введено в генеалогическое древо Амалов после долгих размышлений и спекуляций, скорее всего в этот промежуток между 533 и 536 гг. Возможно, этот “генеалогический этюд” был разыгран еще до смерти в 534 г. Аталариха, который являлся сыном Амаласвенты, дочери Теодориха Великого, и малоизвестного Евтериха, прибывшего из Испании. Положение Аталариха было крайне непрочным, и несомненно, было важно показать его родословную истинного, чистого Амала с обеих сторон. Поэтому, возможно, именно тогда Кассиодор создал новую генеалогическую схему, где Эрманарих стал братом Вульфвульфа, и путем прикрепления к линии его потомков ветви остготов, ушедших около 419 г. в Испанию (м.б. Балты? — см. Wolfram 1980: Stammtafel Balten), Евтерих становится также настоящим Амалом (рис.3). Вернемся к Гольтескифу Эрманариху. Я бы хотел, вслед за А.Н.Анфертьевым, читать фразу: “*habebat si quidem quos domuerat Golthescytha Thiudos*” (Get., 116) — таким образом: “он владел теми народами, которые подчинил Гольтескифу”, т.е. царскому роду остготов, т.к. именно они правили на бывших землях царских скифов. Вероятно, есть какая-то связь между господством остготов и гуннов на территории Северного Причерноморья-Поднепровья — землях царских скифов, — и принятием их великими вождями

Эрманарихом и Атиллою родства с ними. Первое представление о важности происхождения именно от Амала проявляется примерно в третьей четверти V в. у династии наследников Теудемира, так как сестра

Теодориха была названа Амалафредой, а дочери самого Теодориха — Амаласвентой и Острогота (Иорд., Гет., §298-300). Второй великий король остготов начал создавать генеалогию своего дома.

Держава Эрманариха и гунны

Вернемся к краткой хронике событий жизни Эрманариха. Г. Вольфрам ярко охарактеризовал деяния готского короля: *“панцирная кавалерия ходила далеко в русские и балтийские земли, и он создал великую империю, включавшую различные полиэтничные общности с разной степенью зависимости”* (Wolfram 1980: 99). За покорением северных и северо-восточных племен, по “Гетике”, следует покорение (г)ерулов на Азовском море, в дельте Дона, далее венетов и эстив на берегу Германского океана (Гет., 120). Таким образом, можно видеть, что, если описанные события соответствуют реальности, то Эрманарих в конце своей деятельности замкнул пространство своих владений, возвратив

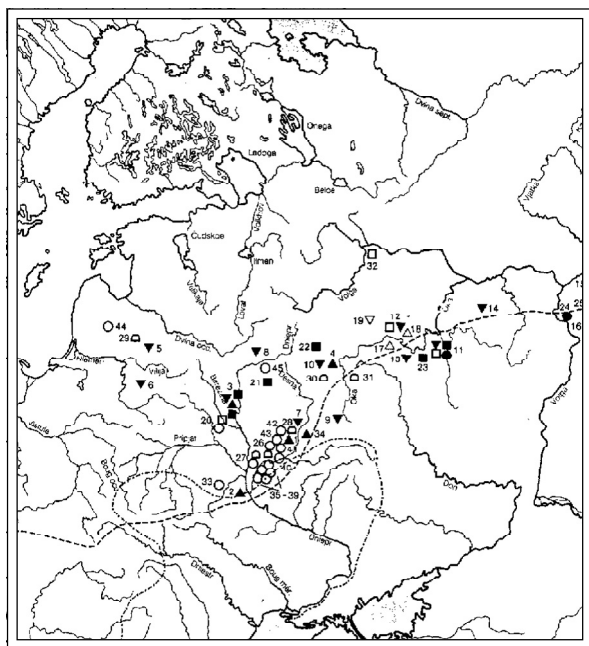
шись снова на северные территории (рис. 1). Иордан пишет: *“Он владел над всеми племенами Скифии и Германи, как своею собственностью”* (Гет., §120). Если допустить, что державе Эрманариха соответствует черняховская культура, то можно говорить об обширном Днепро-Днестровском пространстве с сильной степенью политической и экономической зависимости. Территория покоренных им северных, северо-восточных земель, Нижнего Дона и Прибалтики не являются зонами распространения черняховской культуры, хотя некоторые черняховские элементы или следы провинциально-римской виаули прослеживаются на этих территориях (Kazanski 1991: 36; 1992: fig.1-3), особенно к северу и северо-востоку от основного ареала черняховской культуры (рис. 2). Вероятно, можно говорить о некоем протекторате над этими территориями с некоторой долей экономической зависимости.

Далее Иордан излагает события, связанные с приходом гуннов. *“Когда готы увидели этот воинственный народ, преследующий многие племена, они испугались и стали рассуждать, как уйти от врага”* (Гет., 129). Мне представляется, что не исключена возможность причины движения Эрманариха на север-северо-запад и покорения венетов и эстив в связи с угрожающей опасностью — уход от врагов на свою прародину “Готискандзу”. Гунны уничтожили Истрийско-понтийскую Готию. Готия стала готским войском — народом с оружием в руках (Wolfram 1980: 12-13), продвигающимся среди враждебных племен. Не исключено, что подтверждением этому может служить фрагмент англосаксонской поэмы “Видсид”, сложение которой относится к VII в. н.э. (Смирницкая 1982: 250):

*Воевало там непрестанно
войско хредов
в лесах у Вистлы,
мечами точеными
часто обороняя
древний трон свой
от народа Этлы.*

Видсид, 120-122

Эпитеты “Хрейд-хред” — “блестящие” готы — относились только к остроготам. Эти события скорее всего могли происходить между 369-376 гг., т.е. между третьим походом Валента именно на земли гревтунов и тервингов и переселением готов во Фракию. Аммиан Марцеллин в 31 кн. своих “Деяний” уделил

----- 1   ▲ 3   △ 5   ■ 7   ● 9   ○ 11
- - - - - 2   ▼ 4   ▽ 6   □ 8   ◻ 10

Рис. 2. Находки черняховской культуры в лесной зоне Восточной Европы.

1. граница лесной зоны
  2. ареал черняховской культуры.
  3. фибулы типа “Амброз 12/2-2, вариант 1,2”
  4. фибулы типа “Амброз 12/2-2, вариант 3”
  5. фибулы типа “Амброз 12/2-2, вариант 4”
  6. фибулы типа “Амброз 16/4, серии 3”
  7. фибулы типа “Амброз 17/1-2”
  8. фибулы типа “Амброз 17/3, вариант а-с”
  9. фибулы типа “Амброз 1АА, АБ”
  10. костяные гребни
  11. гончарная сероглиняная керамика.
- (по: Kazanski 1992: fig.16)

этим событиям 2 строфы: *“И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное опустошение и истребление, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-*

за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. 2. Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них” (Ам. Марц. XXXI, 3, 1-3). М.И.Артамонов относит начало натиска гуннов и алан на остготовов к 370-371 гг. (Артамонов 1962: 45), что, по нашему мнению, является более реальной датой, чем 375 год.

История или эпос?

Вслед за этими событиями в “Гетике” следует сюжет, связанный со смертью Эрманариха, описание которой достаточно сильно отличается у Аммиана Марцеллина и Иордана. Обычно больше доверия вызывает у историков Марцеллин, как современник. Аблавий, Кассиодор, Иордан создавали свои труды по крайней мере через 150 лет после описываемых событий, но есть очень важный момент, который не в меньшей степени говорит, как нам кажется, о доверии к сочинению “Гетика”. Дело в том, что версия сюжета, изложенная в VI веке в “Гетике”, была многократно повторена с вариациями в германском героическом эпосе IX-XIII вв., и по ним можно восстановить некоторые неясные детали сюжета, изложенного Иорданом.

Рассмотрим сюжеты предания о смерти короля готов. В тексте “Гетики” излагается завязка предания о смерти короля ввиду измены ему членов рода Росомонов. Эрманарих, движимый яростью, приказывает некую женщину по имени Сунихильда из названного рода за коварный уход от мужа разорвать на части (четвертовать?! — Хойслер 1960: с.434-435, прим.155), привязав к диким лошадям. Ее братья, Сар и Амми, мстят за гибель сестры, ранив мечом в бок короля. Получив эту рану, он влачит жалкую жизнь вследствие немощи тела (Гет., 129). Следует оговориться, что исследователи текста “Гетики” трактуют по-разному фразу: *“Из-за коварного бегства ее мужа”* или *“Коварного бегства от мужа”*, т.е. бегство жены от самого короля (Анфертьев 1991: комм. 223). В любом варианте прочтения речь идет об измене королю члена рода Росомонов. Менее чем через 300 лет это предание было воспето в знаменитой щитовой драпе, посвященной Рагнару Лодброку, которую сочинил самый известный норвежский скальд Браги Старый. Сюжет гибели двух братьев, Сёрли и Хамдира (древнеисландская передача имен Сар и Амми), изображен на щите. Время появления этой драпы З.Ярхо относит к 830 г.н.э. (Ярхо 1934: 51). Сюжетная основа предания, изложенного в Гетике, 129, расширяется, появляются новые персонажи. Существует третий брат Эрп, но непонятны его функции в деле мести: у короля есть сын Рандвер, и жену Ёрмунрекка зовут Фогльхилда. Сюжет драпы следующий: два брата,

Сёрли, Хамдир и, может быть, Эрп, мстят конунгу Ёрмунрекку (Эрманариху) за печаль (за сестру Фогльхильд) в доме предков Рандвера, отрубив конунгу руки и ноги; воины Ёрмунрекка умерщвляют их камнями. Сёрли и Хамдир являются сыновьями конунга Йонакра и потомками Гьюки (перевод драпы Вадима Казанского, любезно предоставленный мне Д.А.Мачинским, которым я выражаю свою признательность). Наиболее подробно и с новыми деталями это предание изложено в исландском героическом эпосе — “Младшей Эдде”, “Старшей Эдде” и норвежской “Саге о Вельсунгах”, записанных в XIII в. Сюжеты очень близки, но не совпадают некоторые детали, которые представляются нам наиболее интересными.

В “Младшей Эдде” Снорри Стурлуссона рассказан сюжет сватовства сына конунга Рандвера и советника Ёрмунрекка Бикки к Сванхильд — дочери главных героев “Песни о Нибелунгах” Гудрун и Сигурда (рис. 4). Бикки оговаривает Рандвера и Сванхильд, и Рандвера вешают в лесу. Перед смертью он передает отцу своего сокола, выщипав у него перья. Ёрмунрекк понимает: как беспомощен бесперый орел, так беззащитно его государство, ибо он стар и нет у него больше сына. Выехав из леса, дружина затаптывает конями Сванхильд, которая сидит и убирает волосы. Гудрун просит отомстить своих сыновей от конунга Йонакра, дав им заговоренные кольчуги и определив каждому свои функции. Сёрли и Хамдир в пути убивают Эрпа, любимого сына Гундрун, который должен был рубить голову Ёрмунрекку. Приехав к нему ночью в дом, где он спал, братья отрубают королю руки и ноги. Конунг призывает воинов убить братьев камнями, так как их не берет железо. *“С ними погиб и весь род Гьюки, и все его потомство”*. (Мл. Эдда: 139-141).

В “Старшей Эдде” сюжет изложен в главах “Подстрекательство Гудрун” и “Речи Хамдира” и близок к изложению в “Младшей Эдде”, только акт мести происходит во время пира Ёрмунрекка (Ст. Эдда, Речи Хамдира, 18-31). В “Саге о Вельсунгах”, когда Рандвера решают повесить за измену отцу-конунгу, он передает ему ошипанного сокола. Ёрмунрекк понимает, что он не будет иметь чести, как сокол — перьев, если казнит сына, и требует снять Рандвера с петли; но Бикки — злой советник его уже умертвляет. Сванхильд сажают

за городские ворота, и кони ее не топчут, когда она раскрывает глаза. Тогда Бикки советует надеть ей на голову мешок, и она умирает (Ярхо 1934: 239). Месть братьев схожа с вышеизложенным описанием.

Датский историк Саксон Грамматик в своем сочинении “Gesta Danorum”, написанном между 1190 и 1200 гг. на латыни, излагает, используя записи исландца Арнальда, ряд германских исторических преданий, в числе которых рассматривается и наш сюжет (Ярхо 1934: 9). Действие переносится в Данию и на земли русских и “геллеспонтцев” — жителей западно-двинского региона. Ярмерикус/Эрманарих, еще ребенком, вместе с молочным братом Гунном попадает в плен к королю славян Исмару и постепенно становится близким приближенным короля. Через много лет он бежит из плена, прихватив золото и убив королеву, не доверяющую ему, и слуг-сторожей. Воцарившись в Дании, он мстит славянам жестокими набегами. Ярмерикус берет в жены Сванхильд из рода геллеспонтцев, но ее и его сына, Бродеруса, оговаривает советник — ливский царевич Бикко, который мстит ему за убийство своего брата. Бродеруса вешают так, чтобы он мог еще дышать, а на Сванхильд, связанную на земле, пускают диких лошадей. Она раскрывает глаза, и кони ее не топчут. Тогда Бикко советует перевернуть ее лицом к земле, чтобы не действовало волшебство, хотя Ярмерик видит в этом спасении знак ее невиновности. Снова пускают коней, и она умирает под их копытами, но сына освобождают. Геллеспонтцы идут по наущению Бикко мстить за Сванхильд. Ярмерик закрывается в городе. Против него действует волшебница Гудрун. Ему отрубают руки и ноги, и он умирает в страшных мучениях (Saxo Gram., Bd. VIII, S.429-438).

Исходя из дошедших до нас фрагментов преданий или эпических сказаний, можно восстановить общую схему, предположительно трех преданий, слившихся с течением времени в Скандинавии в один цикл: 1) смерть жены/невесты из другого рода под копытами коней за измену/наговор королю (сага о Сванхильд); 2) казнь сына по вине злого советника (сага о Рандвере); 3) смерть короля в результате мести (сага об Эрманарихе). Следует отметить, что в скандинавских преданиях Эрманарих не уверен в себе, но подвержен гневу и ярости (Сага о Вёльсунгах, XLII, с.238), и за него все решает советник Бикки/Сибикка. Король пытается оправдать, спасти сына и жену, но это ему не удается, и он погибает в результате родовой мести со стороны Росомонов/Гьюкунгов. Иордан и Марцеллин также передают нам в своих текстах неуверенность и бессилие Эрманариха, но в связи с нашествием гуннов. И может быть, не так уж крамольна мысль, что внутри- и межродовые отношения, воспеты в сагах норвежскими и исландскими скальдами, отражали их

видение катаклизмов мировой истории, заменяли их слушателям исторические сочинения. В этой канве убийство братьями в скандинавских преданиях Эрпа — возможного союзника против Эрманариха — может отражать, по нашему мнению, уже борьбу с гуннами, так как мы полагаем, что Эрп — оставшийся в живых сын Гудрун от Атли (рис.4), а в одном из древнейших сказаний Эдды — “Речах Хамдира” сохранился более ранний фрагмент. В более поздней саге о Вёльсунгах Эрп встречает Сёрли и Хамдира только по дороге к Ёрмунреку (Ярхо 1934: 242) и не знает о своей функции в деле мести. В Старшей Эдде братья называют его ублюдком, чернышом, сводным братом (Ст. Эдда, Речи Хамдира, 12-14), т.е. он им брат по матери от другого отца, причем для них низкого, неблагородного происхождения. Интересно сравнение Эрпа с Хлёдом, персонажем другого раннего сказания — “Песни о Хлёде”. Хлёд назван сыном рабыни и ублюдком наставником готских королей, Гицурром Грютингом, за то, что Хлёд являлся сыном дочери короля хуннов Хумли от короля готов Хейдрекка (Песнь о Хлёде, 13).

Можно заметить, что из рассмотренных выше сюжетов лишь в изложении Иордана Эрманарих сам решает, хотя и движимый яростью, судьбу своих сородичей или приближенных. Этот взгляд на Эрманариха как на сильного, волевого, но подверженного страстям правителя нашел отражение в сохранившихся фрагментах древнеанглийской поэмы “Деор”:

*И эта известна
Эрманрика
волчья повадка:
был вождь всевластен,
вожатый безжалостный
в державе готов.*

Смирницкая 1982; Деор, 20-25

Рассмотрим другие сюжеты, связанные с Эрманарихом, относящие к историческому и эпическому наследию континентальной Германии. Новые детали для портрета Эрманариха вносит сага о Тидреке Бернском, составленная и записанная в Норвегии около 1250 г. исландцем и дополненная норвежцем. Немецкой, континентальной она считается в силу того, что оба автора пользовались сказаниями немецких людей и былевыми песнями на немецком языке (Ярхо 1934: 57). Сибих/Сифка, желая отомстить королю за бесчестье своей жены, заставляет Эрманариха погубить под разными предлогами 3-х его сыновей: Фридриха, Региндальда, Самсона и двух племянников: Эдгарда и Аки (Ярхо 1934: 253). В несколько более раннее время, в “Кведлинбургских Анналах”, записанных в XI в., упоминается, что “*в это время правил над всеми готами король Эрманрих, на козни хитрый, на казну щедрый, по убиению единственного своего сына Фридерика, по*

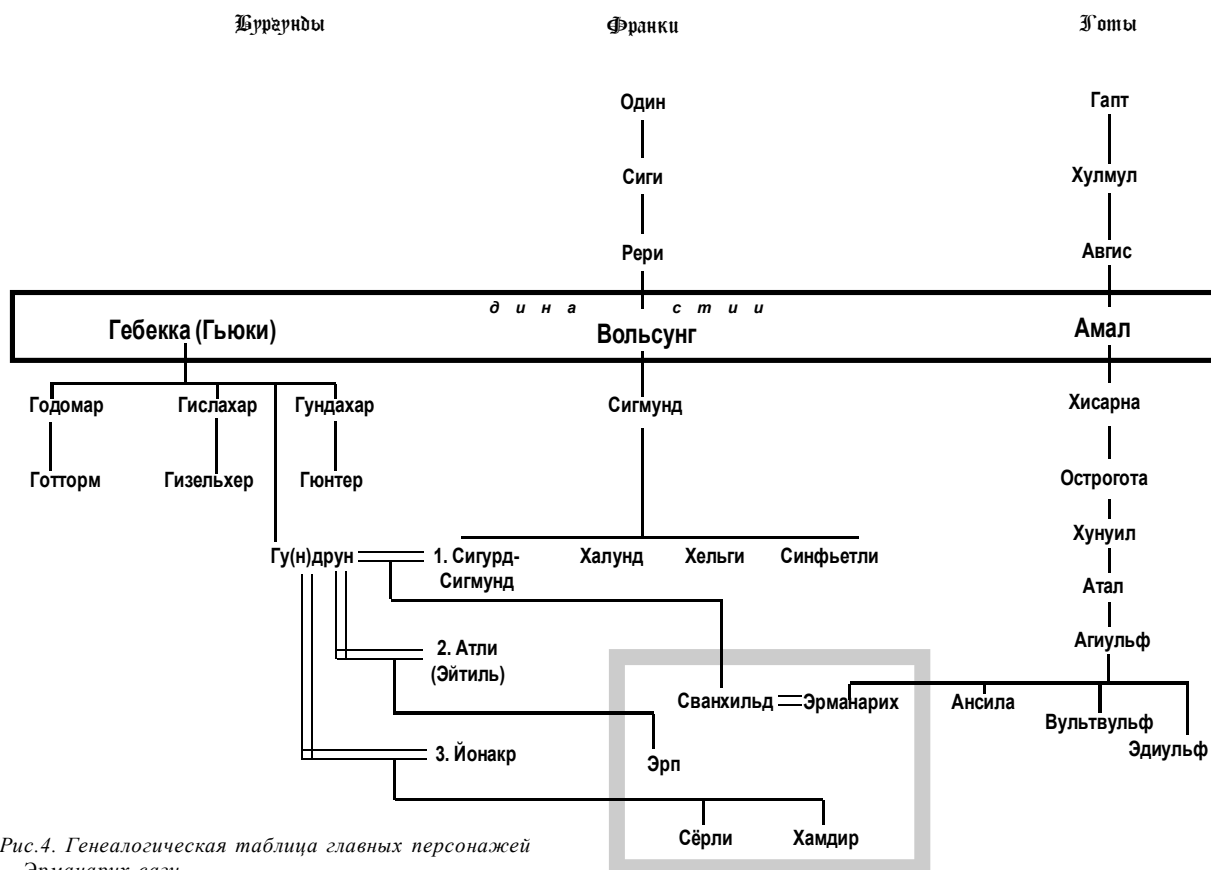

Рис.4. Генеалогическая таблица главных персонажей Эрманарих-саги.

эпос возникает у франков и получает дальнейшее развитие в Скандинавии. Применительно к нашему преданию, А.Хойслер выделяет саги о гибели сына/сыновей и гибели племянников-Харлунгов, как известные только в Германии, и т.к. эти персонажи уже известны в “Видсиде”, то они наиболее ранние и Сванхильд-сага сформировалась тоже в Германии (Heusler 1911-1913: 628). Вне всякого сомнения, предания с действующими лицами Фридрих, Эмбрика и Фритела (Харлунги), Ангантюр и Хлёд являются наиболее архаичными, но в “Видсиде” еще нет конфликта между Эрманриком, его сыновьями и племянниками, и образ короля сугубо положительный. Т.к. предание о Сванхильд, дошедшее до нас в изложении “Гетики”, является наиболее ранним (VI в.), то я полагаю, что на скандинавской почве сюжет псевдоизмены сына Эрманариха Рандвера со Сванхильд заменил собой, возможно, имеющий исторические корни, сюжет ухода-измены членов рода Росомонов прямо перед гуннским нашествием. Последующая смерть сына и жены показывает скорее беспомощность короля, чем жестокость и коварство его образа в континентальном эпосе. Таким образом, мы видим не развитие, а даже архаизацию и сохранение в чистом виде преданий с прояснением целого ряда деталей, причем этот сюжет

(сага о Сванхильд) не попадает к франкам, а является чисто гото-скандинавским.

Итак, есть два портрета: воинственного и доблестного короля, на старости лет не уверенного в себе и зависящего от злого советника (гото-скандинавская традиция) — и жестокого, коварного деспота (древнегерманская континентальная традиция). В науке существует уже достаточно общепринятая точка зрения по поводу создания последнего отрицательного образа путем слияния двух исторических лиц: руга/скира Одоакра, короля Италийского, и готского короля Эрманариха. Одоакр был главным противником Теодориха Великого в борьбе за Италию в 489-493 гг. и, вероятно, поэтому мог оставить в устных готских сказаниях и героических песнях негативную память. Исторический Одоакр был гораздо менее жестоким и свирепым, чем он выведен в образе Ёрмунрека, и, кстати, чем сам Теодорих Великий, который, в частности, убил, обманув, не только самого Одоакра, но и его сына и жену Сванигильду (!?). Не послужили ли именно эти события позднее почвой для создания в германском континентальном эпосе образа жестокого, коварного короля, когда действия и негативные поступки одного великого короля остготов были приписаны другому? Так как эти сказания пелись,

складывались при королевском дворе, очень вероятно, что появление саги о Тидреке Бернском-Теодорихе Великом и Эрманарихе-Одоакре возникли не во времена Теодориха, так как в генеалогическом перечне Амалов Эрманарих назван “благороднейшим”, а скорее при лангобардах после 568 года. Мы предполагаем, что выбор для неблагоприятной роли мстителя своей родне или убийцы своих близких родственников именно Эрманариха в любом варианте прочтения его образа не случаен, ибо он еще раз подтверждает его “псевдо-Амальство”, так как жестокие деяния недостойны истинных Амалов. Мы допускаем, что этот моральный аспект, вероятно, был еще важен Кассиодору-Иордану с их амалофильством, и, возможно, скандинавским скальдам, так как для объяснения решения о жестокой казни им потребовался факт измены рода Росомонов/Гьюкунгов: в первом случае — королю и всему готскому народу перед гуннской опас-

ностью, а во втором — измены лично королю. Никаких объяснений для жестоких действий готского короля в отношении своих родственников в континентальном эпосе и хрониках уже не требуется. Эпос превратил Эрманрека в дядю Дитриха/Теодориха, но в ранней версии еще есть образ Отахера/Одоакра, который на 30 лет, как позже и Эрманрик, изгнал Дитриха из Италии. Дитрих находит приют у короля гуннов Атиллы, и мы видим иной образ Атиллы, чем мы знаем из исторических сочинений: это умный, благородный король, решающий все спорные вопросы по справедливости. Таким образом, все лица, дружески связанные с Дитрихом, одной из ярких и сильно идеализированных фигур позднего пласта германского эпоса, приобретают положительную окраску, а с Эрманреком, заменившем фигуру Одоакра и, возможно, вобравшего в себя многие черты реального Теодориха — отрицательную.

Росомоны или бургунды?

Коснемся деталей гибели короля готов. В одном случае мстителями или убийцами названы члены рода Росомонов, в 3-х случаях названы наследники рода Гьюки или Гьюкунги. Известно, что Гьюки является исландской передачей формы имени Гебекка/Гибика — прародителя династии бургундских королей. Он упоминается в *Lex Burgundionum* Гундобада-Сигизмунда, записанном между 490-518 гг. (Boehm 1971: 61-62). Из скандинавско-германского героического эпоса, включая “Песнь о Нибелунгах”, мы знаем, что Гудрун была бургундской царевной, дочерью Гьюки и сестрой Гунтера, Готторма, Гизельхера и Хёгни. Сванхильд была ее дочерью от первого брака с Сигурдом, знаменитым героем, хранителем сокровищ Нибелунгов, которого убивают ее братья. Вторым мужем Гудрун был Атли. После его смерти она вышла замуж в третий раз за конунга Йонакра, родив ему двух сыновей, о мести которых Эрманариху мы писали выше. Таким образом, по матери, Сёрли и Хамдир являлись бургундами. Коснемся названия рода Росомонов. По поводу происхождения и этимологии этого этнонима существует большая литература (Скржинская 1960; Анфертьев 1991). Мы предлагаем две гипотезы происхождения этого названия. Первый вариант — происхождение первой части “ros” от *hrod-hrop* в греческой огласовке, когда *h* не передается, а *d/p* переходит в *s* (Ф.Браун 1899: 17). Так как Р.Хахманн допускает знание греческого языка Аблавием, то такая огласовка первой части слова как гипотеза вполне допустима. В этом случае мы получаем “rosmann”, “rosmenn” как обозначение жителей побережья Балтийского моря, т.е. северных людей. Это вполне соотно-

сится с тем, что Йонакр — морской конунг и в поэме “Видсид” VII в. упоминается о свадебной поездке невесты Эальхильд к Эрманреку из Онгена в Ютландии. Второй вариант этимологии можно предложить, исходя из прочтения 17-й строфы “Гренландской песни об Атли” “Старшей Эдды”, где есть топоним “Rosstofjoll”, который переведен как “Красные Холмы”:

*Не уснуть мне, сестра,
Нифлунгов кликнуть,
далеко искать
удалую дружину
с холмов красных Рейна
воинов храбрых.*

Из контекста получается, что речь идет о территории бургундов на берегах Рейна, обозначающих какую-то возвышенность с эпитетом “Rosmo”. Таким образом, исходя из того, что члены рода Росомонов и бургунды-Гьюкунги выполняют одну и ту же функцию в акте родовой мести, можно допустить даже некую реальную связь или родство между ними, и дружина Нифлунгов/бургундов с холмов “Росмо” на Рейне может служить определенным тому подтверждением. Конечно, мы не исключаем вариант простой замены на другой историко-эпической и генеалогической почве родовой принадлежности личностей наших героев-мстителей, но сохранение имен и всех основных деталей сюжета саги о Сванхильд с VI века в пространстве от Поднепровья-Италии — до Норвегии-Исландии IX-XIII вв. и ее полное отсутствие в остальной части германского мира все же больше говорит о реальности нашего предположения видеть в личностях мстителей Эрманариху бургундов из рода Гьюки или рода Росомонов.

Месть родовая или сакральная?

Есть еще один пласт, который мог бы указывать на возможную связь между Нифлунгами/Нибелунгами и готским королем. Нибелунгами изначально назывались альвы, держатели сокровищ. А.Я.Гуревич предположил, что смерть Сигурда последовала как месть за сокровища от руки черного альва — Нифлунга. Атли, новый владелец сокровищ, убит не только Гудрун, но и сыном Хёгни, юным Нифлунгом. Снова месть за сокровища. В скандинавской версии Сигурда убивает мечом в постели Готторм, младший брат Гуннара и Хёгни, не связанный с Сигурдом узми побратимства. О его происхождении мы знаем по “Песни о Хюндле” “Старшей Эдды”, где говорится:

*Гуннар и Хёгни — наследники Гьюки,
а Гудрун сестра была им обоим,
Готторм — тот не был отпрыском Гьюки,
но все же он брат Хёгни и Гуннара.*

Таким образом, Готторм является сыном Гримхильд от другого отца. По немецкой версии, где убийцей становится Хаген/Хёгни, он приходится сводным братом Гунтеру/Гуннару и рожден Гримхильд от альва (Гуревич 1992: 397; 1979: 17).

Мы видим, что сокровище, захваченное Сигурдом у Нибелунгов, несет проклятие каждому новому владельцу, и мстителями являются Нибелунги/Нифлунги, которые в данном контексте понимаются не только как “держатели сокровищ”, а как носители связи с тем миром, где изготавливались эти вещи, с заложенными в них заклятьем и смертью. К таким предметам с заклятьем относятся сокровища Фафнира, кольца Андвари, меч Мимира, меч Тюрфинг, меч Марса/Атиллы и т. д. (Веселовский 1888: 78). Богатство, власть, могущество, которые приносит владение этими предметами, неизменно оборачиваются гибелью их владельца. В частности, меч уже не является только символом могущества и побед над врагами, он принимает свой собственный образ и выполняет свою смертельную функцию по отношению к самому владельцу (Дюмезиль 1990: 62).

Таким образом, можно предполагать две параллельных сюжетных линии: родовая месть и месть сак-

ральная, связанная с проклятьем сокровищ, которые приносят гибель каждому новому владельцу. Сванхильд, дочь Сигурда и Гудрун, Нифлунгов, несомненно, также относилась к Нибелунгам, как и сыновья Гудрун от Йонакра. Исходя из рассмотренного выше сюжета гибели Эрманариха от рук сыновей Гудрун, можно предположить, что в тексте за явной линией родовой мести могут скрываться и следы другой сюжетной линии — о некоей сакральной смерти как мести за неугодные богам либо существам нижнего мира поступки. Тему сакральной смерти, в несколько завуалированном виде, можно видеть в истории, описанной Аммианом Марцеллином, где король добровольно уходит из жизни (Ам. Марц. XXXI, 3, 3): “*Так как молва все более усиливала ужас надвинувшегося бедствия, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью*”. Нам кажется, что объяснение этому ритуалу самоубийства можно искать в понимании функций королевской власти у бургундов. Короли у них назывались “гендинос”, и этимологически этот термин происходит только из готского “kindins” (Neumann 1980: 227). Аммиан Марцеллин пишет: “*цари носят у них одно общее имя «гендинос» и по старинному обычаю теряют свою власть, если случается неудача на войне под их командованием или постигнет их земли неурожаем*” (Ам. Марц. XXVIII, 5, 14). В этом контексте смерть Эрменрика, по версии Марцеллина, можно рассматривать как принесение себя в жертву для спасения остального народа готов, как обращение к богам, чтобы вернулась удача и счастье. Но существует и еще один очень ранний пласт сказаний, где в очень интересной связи упомянут готский король. В древнеанглийской поэме VIII в. “Беовульф” упоминается о краже ларца с ожерельем Бросингов от Эрманрика, который им владел на неизвестных основаниях (Беовульф, 1200). Это сокровище было выковано двергами и принадлежало Фрейе. Не могло ли быть присвоение или держание этих сокровищ, явно с заклятьем, еще одним основанием для сюжета сакрального убийства Эрманариха Гьюкунгами/Нибелунгами?

Самоубийство или смерть в результате мести?

Несомненно, что для Аммиана Марцеллина Эрменрик — король остготов был варваром, врагом Рима, и вполне естественно, что он умирает по варварским обычаям. Это на самом деле может быть близко к реальности, так как писателю не нужно было что-либо изменять в угоду каким-либо воззрениям. Иначе обстоит с Кассиодором и Иорданом, которые проводят особую линию “возвеличения рода Амалов”. Несмотря на историю с Росомонами, которая стояла

жизни Эрманариху, его образ сугубо положительный, и умирает он как библейский патриарх, “насытившись жизнью”. Т.Моммзен полагал, что Кассиодор хорошо знал труд Марцеллина и специально в угоду Амальской концепции изменил ряд фактов, связанных с событиями после смерти Эрманариха (Wenskus 1969: 247). Отсюда это несходство имён преемников Эрманариха. Почему не допустить, что и причина смерти великого короля также была несколько изменена в силу той же

концепции, и при этом литературно обработана Иорданом и Кассиодором?

Суммируя все вышесказанное, попытаемся реконструировать часть предания о гибели короля. Я могу допустить, что предание отразило историю о смертельном ранении Эрманариха в результате мес-

ти или в ходе войны, и это совпало или было связано с неудачами в военных действиях с хуннами, после чего он сложил с себя инсигнии власти и покончил с собой, принеся себя в жертву, *“не вынеся страданий”*. Только этот последний факт донес нам римский писатель.

Ветхий завет и “Гетика”

Изображение варварского обычая ухода из жизни римским писателем сильно отличается от описания смерти короля Кассиодором и Иорданом. Иордан пишет: *“Между тем Херманарих, столь же не вынеся страдания от раны, сколь и нападений хуннов, в преклонных годах и насытившись жизнью, умер на 110-м году своей жизни”* (Анфертьев 1991; Иорд. Гет., 130). Уже отмечалось в литературе, что автор этого предания употребил библейское выражение *“plenus dierum”* — “насытившись жизнью”, что говорит о значительной литературной обработке этого рассказа (Анфертьев 1991: прим. 235). Выражение “насытившись жизнью” употребляется в “Книге Бытия” в рассказах о смерти Авраама и его сына Исаака (Бытие 25, 7; 35, 28, 28). В возрасте же 110 лет в Библии умирает только Иисус Навин (Иис.Нав. 24, 29). Оценка влияния Библии на степень литературной обработки различных сюжетов готских преданий находится не в моей компетенции и требует серьезного текстологического анализа “Гетика”. Мне хотелось бы сделать лишь несколько маленьких предварительных замечаний. Кассиодор/Иордан придали “благороднейшему из Амалов” библейский характер самой смерти. Такие расхождения с Марцеллином в оценке одного события могут быть вызваны, по нашему мнению, определенной тенденциозностью, либо, что менее вероятно, различной степенью информированности в силу временных, политических, географических причин. В качестве примера мы можем привести различные описания смерти первого царя Израиля Саула в книге “Царств”. Саул смертельно ранен филистимлянами и кончает жизнь самоубийством, падая на собственный меч, чтобы избежать смерти от врагов (1 Царств 31, 3-6). В кн. 2-ой Царств он не смог себя умертвить, упав

на копье, и его прикончил по его просьбе амаликитянин (2 Царств 1, 4-10). Убийца приходит к Давиду с этой вестью, и тот его казнит, несмотря на вражду с Саулом. И тут развивается идея, ради которой, вероятно, мог быть изменен сюжет: *“Тогда Давид сказал ему: как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня?”* (2 Царств 1, 14). Мы полагаем, что вполне допустимо также изменение ради идеи сюжета предания Кассиодором/Иорданом. Вероятно, библейские выражения, приглаживание сюжетов под библейские, было вполне в духе времени, своего рода высоким стилем. Возможно, такое приглаживание, убиение отдельных реальных деталей, появление вымышленных — новых, представлено в нашем сюжете о гибели Эрманариха. В качестве сюжетной основы, могущей пересекаться с германской, можно рассматривать сюжет о смерти царя Израиля Иевосфея, сына Саула. Персонажи сюжета: наложница отца Саула, его сын Иевосфей, советник и начальник войск Авенир, мстители за своего господина — Баана и Рихав, царь Давид. Из-за измены наложницы отца с Авениром происходит распря между царем и его советником, которая кончается уходом Авенира к Давиду в Хеврон. Царь Израильский Иевосфей находится в смятении и страхе. Этим пользуются два брата, предводители его войска, Баана и Рихав, мстя за своего господина, убивая царя в постели, отрубив ему голову. Они приносят ее к Давиду, который мстит за Иевосфея и отрубает им руки и ноги (2 Царств, гл.3-4). Эти сюжетные линии при всех различиях и перестановке ролей могли “витать в воздухе” при записи прежде всего скандинавских преданий. Уже Саксон Грамматик в XII в. в изложении предания о короле Ярмерике переставил и изменил как отдельные имена, так и характер персонажей.

Сакральность территории и ее властелинов

Хотелось бы коснуться темы сакральности личности короля или территории, от которой исходит эта сакральность. Эрманарих в скандинавских сказаниях воспроизводится как Йормунрёкр, причем первое слово кеннинга *“Йормунр”* — одно из прозвищ Одина. Родственные слова *“Йормунганд”* — “Мировой Змей” и *“Йормунгрунд”* — Земля, Вселенная, — говорят об очень высоком ранге этого слова (Vries 1963: 295). На готской земле упоминается Гнитайхед, где змей

Фафнир хранит сокровища, здесь находится священный лес Мюрквид (Шаровольский 1904). На территории, подвластной Эрманариху, находится Йотунхейм — страна великанов. Интересно, в связи с вышеизложенным, что первая часть кеннинга *“Jormun”* еще может обозначать великана, а *“orm-erm”* — змею (Мелетинский 1992: 211). Эрманариху служат Хеймир и Видге, в котором видят исторического Видигойю. По скандинавским преданиям, Видге — из рода Вёлунда,

знаменитого кузнеца, князя альвов (Веселовский 1906: 113-114). Мы можем назвать целый ряд сакральных предметов, которые связаны с готской землей. Это клад Фафнира, меч Тюрфинг/Гервинг, даже ожерелье Брисингов, один из главных атрибутов богини Фрейи. Оно принадлежит готскому королю Эрманариху, мечом Тюрфинг владеет другой король готов — Ангантюр (Шаровольский 1904: 6; Веселовский 1888: 78)

Мы осознаем, что новое, после IV в. освоение скандинавами этой территории в VIII-XIII вв. породило новую переоценку исторического материала. Без сомнения, их воззрения далеко не адекватно соответствовали реалиям IV-VI вв., но эпическая традиция, записанная в XIII в., донесла эту соотношенность сакральности территории с сакральностью народов, проживающих на ней. Это касается как ранее проживавших скифов, так затем готов и, наконец, славян. То, что в “Хервор-саге” сам Один в образе Гицурра Грютунга/Гревтунга является советником и наставником короля готов Ангантюра и кидает свое копьё Гунгнир в сторону гуннов, говорит о сакральности королевской власти, ее божественном происхождении и поддержке со стороны асов. Для скандинавов эпохи средневековья готская земля очень часто обозначала южные

земли в целом, но в тех случаях, когда речь идет именно о готах как народе — “Песнь о Хлёде”, “Речи Хамдира” “Старшей Эдды” или “Хервор-сага”, — оказывается, что значительная часть героических сюжетов скандинавских сказаний связана с этой территорией. Готская земля находится на далекой границе познания мира, на краю ойкумены, где живут великаны, сказочные альвы, происходят великие битвы, рождаются и умирают герои. И наш герой, король готов Эрманарих, в IV в. управляет этой землей, “заставляя повиноваться своим законам”. Возможно, и эта жизнь по законам предков прославила его и оставила такой яркий образ в древнегерманском эпосе. Понимая спорность суждений во многих вопросах, рассмотренных в статье, хочется надеяться, что, может быть, некоторые поднятые здесь темы послужат для специалистов поводом высказаться и даже открыть дискуссию, в ходе которой белое пятно истории еще немного уменьшится. Я хотел бы завершить эту статью с надеждой и оптимизмом почти эпическим текстом: “А ты не боишься, что люди не поймут тебя и обзовут дураком? Мир Божий обширен! Кругом множество вещей и множество людей. Ни одно зерно не падает в пустоту, все на свете родит свой отзвук”.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфертьев А.Н. 1991. Иордан. // Свод древнейших известий о славянах. Т. 1. К XVIII Международному конгрессу византинистов. С. 98-161. М.
- Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
- Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М. 1989
- Браун Ф. 1989. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.
- Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху великого переселения народов. М.
- Веселовский А.И. 1906. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. Известия отделения языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XI, кн. 3. С.1-190.
- Веселовский А.И. 1888. Мелкие заметки к былинам. Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCLVII, отд. 2. 1888, май.
- Геродот. Л. 1972
- Гуревич А.Я. 1979. “Эдда” и сага. М.
- Гуревич А.Я. 1992а. Нибелунги. Мифологический словарь. С. 397. М.
- Гуревич А.Я. 1992б. Сигурд. Мифологический словарь. С. 498-499. М.
- Дестунис Г.С. 1861. Сказания Приска Панийского. // Ученые записки 2-го отделения Императорской Академии Наук. Кн. VII, в. 1. СПб.
- Древнеанглийская поэзия. 1982. (Подг. О.А.Смирницкая, В.Г.Тихомиров). М.
- Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и нарты. М.
- Марцеллин Аммиан. 1994. Римская история. СПб.
- Мелетинский Е.М. 1968. “Эдда” и ранние формы эпоса. М.
- Мелетинский Е.М. 1992. Ермунганд. Мифологический словарь. С. 211. М.
- Младшая Эдда. 1970. (Подг. О.А.Смирницкая, М.Н.Стеблин-Каменский). Л.
- Скржинская Е.Ч. 1960. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М.
- Старшая Эдда. 1975. (“Библиотека всемирной литературы”, пер.А.Корсуна, комментарии М.И.Стеблин-Каменского). М.
- Тьерри А. 1861. Рассказы римской истории пятого века. Пер. А. Клеванова, М. 1861
- Хойслер А. 1960. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М.
- Шаровольский И. 1904. Древне-скандинавское сказание о битве готов с гуннами и его историческая основа. Известия Киевского университета, 7. С. 1-37.
- Ярхо Б.И. 1934. Сага о Волсунгах. Academia. М.-Л.
- Beck H. 1989. Ermanarich. Sagengeschichtliches. RLGA. Bd. 7, Lief. 5/6, S. 510-515.
- Boehm H. 1971. Geschichte der Burgunden.
- Heusler A. 1911-1913. Ermenrich. Hoops, RLGA. Bd.1, A-E, Straßburg. S.627-629
- Hachmann R. 1970. Die Goten und Skandinavier. Berlin.
- Kazanski M. 1991. Les Goths (Ier-VIIe après J.C.). Paris.
- Kazanski M. 1992. Les arctoi gentes et l'empire d'Hermanarich. Germania 70. 1 Bd.
- Neumann G. 1980. Burgunden. Philologisches. RLGA. Bd. 4, Lief. 1-2. S.224-231
- Saxo Grammaticus. 1900. Dänische Geschichte. Buch I-IX. Übers. von H.Jantzen. Berlin.
- Seeck O. 1921. Sarus. Real-Enciclopädie der classischen Alterthumwissenschaft. Stuttgart. III Hbd. Col.54.
- Vries Jan de. 1963. Etymologisches Wörterbuch der altnordischen Prosaliteratur.
- Wenskus R. 1969. Amaler. RLGA., Bd. 1. Lief. 2. С. 246-248
- Wackwitz P. 1964-1965. Gab es ein Burgunderreich in Worms? Worms.
- Wolfram H. 1980. Geschichte der Goten. München. 2 Aufl.
- Wolfram H. 1989. Ermanarich. Historisches. RLGA, Bd. 7. Lief. 5/6. S. 510-512.